

Роман КУШНЕР

Родился в 1946 году в Уфе. Окончил Сызранское военное авиационное училище летчиков, служил в Приморье в полку им. В.И. Ленина, затем был направлен в авиацию пограничных войск в Хабаровск, потом служил в Арктике – Воркута, Тикси, Черский. В 1985 году уволен в запас по ограниченному состоянию здоровья. В 1992 году эмигрировал в Израиль, затем к детям в Канаду.

В 2021 году в издательстве Super (Санкт-Петербург) издан роман «Ночные витязи», в 2022 году изданы мемуары «Инструкция вертолётчику». Живет в г. Суррей, Канада.

«ОЙ ТЫ, РУСЬ, МОЯ РОДИНА КРОТКАЯ...»

*Отрывок из романа «Милосердие» **

Июль 1916 год. Царское Село. Феодоровский городок

Исполнение обязанностей председателя эвакуационного комитета отнимали у Вильчковского много сил. Мало того, будучи назначенным главным уполномоченным Красного Креста по всем учреждениям Царского Села, ему приходилось ежедневно контролировать и обеспечивать работу госпиталей и лазаретов Павловска, Гатчины, Луги и окрестностей. От частого недосыпания глаза постоянно слипались. Крепко потерев ладонями лицо, Сергей Николаевич взял в руки доставленную от Ломана официальную бумагу, мысленно укоряя чрезмерную инициативу полковника. Объявление гласило:

На 22 июля в лазарете № 17 в день тезоименитства великой княжны Марии Николаевны назначались увеселения. Концерт будет состоять:

1) из дивертисмента и 2) маленькой пьесы «Вечер в тереме боярыни».

На втором листе прилагался список участников концерта, среди которых значился известный ему Василий Андреев, руководитель первого Великорусского оркестра. Будучи ещё пажом при Высочайшем дворе, Вильчковский впервые посетил выступление кружка любителей игры на балалайках в зале Городского Кредитного общества в Петер-

* Роман «Милосердие» посвящен женщинам России – врачам и сёстрам милосердия, трудившимся в госпиталях и лазаретах в годы Первой мировой войны. Данный отрывок – об участии Сергея Есенина в концерте в день тезоименитства великой княжны Марии Николаевны.

бурге. Виртуозная игра на балалайках потрясла будущего подпоручика, а по прошествии времени он с радостью узнал о пожалованном Андрееву титуле надворного советника и звании «Солиста Его Императорского Величества».

Желая передохнуть, он вызвал помощника и попросил принести крепкого чая. Немного взбодрившись, окинул взглядом остальной список, среди которых с удовольствием увидел имя Владимира Сладкопевцева, заведовавшего делопроизводством в канцелярии лазарета. Вместе с чтецом-импровизатором вести концерт назначался Сергей Есенин. Фамилия показалась ему знакома. Подумав, Вильчковский вспомнил, как по делам службы заглянул к Ломану в Фёдоровский городок. Подъехав к Дому диаконов, он поднялся на второй этаж и вошёл в канцелярию начальника лазарета № 17. Ответив на приветствие и обсудив насущные вопросы, Дмитрий Николаевич с лёгкой улыбкой кивнул ему на лежащее перед ним раскрытое письмо:

– От Клюева прошение, взгляните-ка.

– От Клюева? Николая? – с удивлением переспросил Вильчковский и поднял к глазам лист.

Сергей Николаевич уважал этого стихотворца, пишущего в традициях новокрестьянской поэзии. Как-то заглянув в потрёпанную книжонку «Новые поэты», очевидно забытую кем-то из персонала в обеденном зале лазарета, он вычитал и даже запомнил одно четверостишие, поразившее его своеобразной прелестью:

Въ златотканные дни сентября –
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладонь куря,
Надъ твоей опустелой избушкой.

Письмо начиналось несколько нетривиально: «Полковнику Ломану о песенном брате Сергее Есенине моление». Далее следовала просьба похлопотать о вызове Есенина в поезд вскорости.

– Кажется, я недавно видел его на дебаркадере у санитарного поезда, такой худой, стриженный наголо. Выгружал какое-то имущество. Выходит, вы удовлетворили просьбу Клюева?

– Разумеется, Сергей Николаевич. Отказать таланту невозможно. Я послал ему уведомление о зачислении Сергея Есенина на военную службу. Пришлось и свидетельство выдать, – потянувшись к ближайшей полке, он вынул из папки лист с машиннописным текстом и протянул гостю:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие крестьянину Рязанской губернии и уезда Кузьминской волости села Константинова Сергею Александровичу Есенину в том, что он, согласно уведомлению Мобилизационного Отдела Главного управления Генерального Штаба от 11 февраля с. г. за № 9110 с Высочайшего соизволения назначен санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, а потому прошу направить Есенина в г. Царское Село в мое распоряжение.

Уполномоченный Ея Величества по поезду полковник Ломан.

900/556 апреля 5 – 1916. г. Царское Село.

Поднявшись со стула, Вильчковский поправил мундир:

– Чуть не забыл, Дмитрий Николаевич. Помнится, на праздник «Торжество православия» я посетил лазарет великой княгини Марии

Павловны и имел недолгую беседу со вдовой графа Нирода. Мария Дмитриевна порадовала меня первой книгой Есенина «Радуница». Попросил на время почитать. Никакого сомнения, это подающий надежды крестьянский поэт-самородок.

Ломан смущённо улыбнулся:

– Не хотелось бы афишировать, но и Григорий Ефимович почти такого же мнения.

– Это вы о Распутине?

Не отвечая, Ломан достал из ящика стола свёрнутый вчетверо лист серой бумаги:

– Дело в том, что в прошлом году ко мне прибыли Есенин и Клюев и передали письмо от Григория Ефимовича с просьбой посодествовать им. Можете ознакомиться.

Развернув лист, Вильчковский внимательно прочитал текст. Письмо было малограмотное, написанное неровным корявым почерком:

Милой, дорогой, присылаю к тебе двух парешков. Будь отцом родным, обогрей. Робяты славные, особливо этот белобрысый. Ей Богу, он далеко пойдет. Роспутин

На вопрошающий взгляд Вильчковского начальник лазарета № 17 пожал ему протянутую руку и как бы выдавил из себя:

– Вы же знаете какая молва идёт о нём. Я же не верю никаким слухам и отношусь с уважением к Григорию Ефимовичу, как и сама государыня... – вполголоса, но твёрдо проговорил он.

* * *

В дверь неожиданно постучали и на пороге появился писарь Долومانов из лазарета княгини Урусовой:

– Приношу свои извинения, господин полковник, что явился без вызова, но у меня обстоятельства, – со смущённым видом сообщил проситель.

Зашедший следом помощник поставил на стол стакан в подстаканнике и блюдец с сахаром. С рассеянным видом хозяин кабинета предложил просителю присесть на свободный стул и кратко изложить суть дела. Он не забыл, как в начале года государыня попросила его сыскать хорошего писаря для канцелярии лазарета. В короткий срок Вильчковский нашёл молодого человека, обладавшего хорошим почерком и не ошибся с выбором. С первых же дней Александра Фёдоровна была довольна Долومانовым и, как он знал, милостиво и ласково к нему относилась.

– Слушаю вас, – усталым движением Вильчковский помешал ложечкой в стакане.

– Господин полковник, я не нахожу возможным продолжать более свою работу в лазарете, – твёрдым голосом заявил писарь.

– Изъясните, голубчик, что за причина? – удивлённо поднял брови Сергей Николаевич.

– Господин полковник, я слишком тронут вниманием и лаской Царицы, но оставаться не могу, так как я принадлежу к одной из социалистических партий и мои политические убеждения не позволяют мне долее исполнять обязанности, – сглотнув ком в горле, выпалил на одном дыхании Долومانов.

Вильчковский не ожидал такого оборота дела и не знал, что ему предпринять и как ему самому, рекомендовавшему Долومانова, выйти

из столь неловкого положения. Однако он решил действовать прямо и, попросив писаря обождать в приёмной, не откладывая, поднял переговорную трубку:

– Ваше величество, у меня тот самый писарь из лазарета княгини Урусовой. Считает, что по политическим убеждениям он не может здесь далее оставаться.

– Что же тут такого, что Долманов принадлежит к политической партии, – в ответ раздался решительный голос Александры Фёдоровны. – Каждый может иметь свои убеждения, и это нисколько не мешает нашей работе. Я Долмановым довольна и сегодня же с ним сама поговорю.

Вечером у входа в лазарет остановился автомобиль. Усталым шагом государыня поднялась на крыльцо, где её ожидали выбежавшие на шум мотора сестра милосердия Николаева и фельдшер Икоников. Ответив на приветствие, Александра Фёдоровна попросила фельдшера пригласить в комнатку для отдыха письмоводителя.

– Мне полковник Вильчковский передал о причине вашего нежелания работать у меня, – благожелательный взгляд государыни непроизвольно вызывал у него доверие, – Мне это кажется странным, так как вопросы помощи ближнему не зависят от политических убеждений. Вы поработаете здесь, присмотритесь, и я уверена, что вы измените ваше решение.

– Ваше императорское величество, я был бы счастлив работать на этом месте, но моя жена не вполне здорова, и мне необходимо быть при ней.

Крайняя взволнованность Долманова настолько отразилась в его глазах, что у Александры Фёдоровны немедленно сложилось впечатление, что писарь явно что-то недоговаривает.

– Это тем лучше, – как можно более сочувственным тоном успокоила его государыня, – пусть ваша жена придёт в лазарет Большого дворца, быть может, она сможет немного там работать и быть под приглядом доктора.

– Ваше величество, это совершенно невозможно, так как моя жена... еврейка, – осиплым голосом пробормотал Долманов.

Ответ писаря подтвердил её догадку. Сочувственная улыбка отразилась на её лице:

– Ну так что же, что еврейка? Национальность не имеет никакого отношения к нашему общему делу. Передайте вашей жене, что я её приглашаю работать в Екатерининском дворце, ухаживать за больными, и вы её всегда можете там видеть.

Нежданное предложение обезоружило Долманова. Ранее получить место писаря они с женой даже не помышляли. Он подрабатывал на разных работах и едва сводили концы с концами, но тут на них свалилась болезнь супруги по женской части. Взбудораженный до крайности, он нерешительно приподнялся со стула:

– Ваше императорское... ваше величество, благодарю вас за сердечное участие и поддержку! За... за предоставление места сиделки моей жене, – срывающимся голосом едва выговорил он. – И смею заверить, что работу свою продолжу с ещё бóльшей энергией.

Отпущенный государыней и уже будучи в дверях, писарь неожиданно повернулся к ней и под недоумённым взглядом дважды склонился в глубоком поклоне, бормоча под нос нечто неразборчивое. Александра Фёдоровна расслышала лишь обрывок последней фразы, что-то вроде

о величии души. Удивлённо пожав плечами, она на прощание пожелала здоровья супруге и ещё раз поблагодарила писаря за правильное решение.

Доломанов шёл домой, взбудораженный до крайности. Государыня права, рассуждал он, помощь ближнему не зависит ни от каких убеждений.

20 июля 1916 год. Феодоровский городок

Завсегдатай Городка виртуоз-баянист Федя Рамш с утра пребывал в мрачном настроении, вот уже более получаса бродя по обширному двору Городка. Уныло меряя шагами от Дома для нижних чинов до Дома причетников, он вновь возвращался назад, нетерпеливо бросая взгляд на двухэтажное Здание служащих лазарета. Фёдор упорно ожидал обещанную мастером обувь. Серdito глянув на дверь одноэтажной пристройки, он наконец с облегчением выдохнул. Подмастерье из сапожной мастерской нёс ему пару новеньких, перешитых по ноге казённых сапог, в которых давно уже щеголяли, ему на зависть, почти все солдаты Городка. Федя недоверчиво огладил высокие голенища, сдул с обеих головок невидимые соринки и без колебаний дал мальчишке на чай.

Чей-то разговор заставил его заглянуть за угол. В проёме Белокаменных ворот некий субъект лет тридцати в светлом костюме разговаривал с сестрой милосердия. Федя невольно испытал этакий укол ревности. Ему давно нравилась Евдокия Дмитриевна, но светлейшая княжна была ему определено не по чину, к тому же являлась крестницей императрицы Марии Фёдоровны. Испустив горестный вздох, Фёдор поспешил удалиться в Каретный сарай к старому знакомцу.

Прижимая к белому переднику с нашитым на груди красным крестом конверт с документами, Голицына направлялась в канцелярию Феодоровского собора, когда в воротах столкнулась с высоким господином. Покрытый капельками пота открытый лоб, полурастёгнутый белый жилет и малость сбившийся набок галстук в горошек явно указывали на то, что мужчине очень жарко. Он утирался скомканным платком и обмахивался, как успела заметить Евдокия, модной, светло-кофейного цвета кастровой шляпой.

Усмотрев перед собой симпатичную барышню в форменном холщовом платье сестры милосердия, незнакомец учтиво поклонился:

– Позвольте представиться, журналист и издательский работник Мурашёв Михаил Павлович.

Зарумянившись лицом, княжна представилась в свою очередь:

– Голицына Евдокия, служу здесь в Доме священников, в отделении для раненых офицеров, – и чуть поколебавшись, спросила: – Вы, сударь, кого-то разыскиваете?

Не отводя взгляда от миловидного личика, Мурашёв подтвердил её догадку:

– Ищу своего друга, сударыня. Вы случайно не знаете санитаря Сергея Есенина?

Голицына кротко улыбнулась:

– Конечно знаю, в лазарете мне знаком весь младший персонал, в том числе и Сергей. Его военно-санитарный поезд № 143 уже как неделю вернулся с фронта.

– Так он сейчас в лазарете? – обрадовался Мурашёв.

Княжна слегка задумалась:

– Этой ночью они на пару с Наумовым, из художников, работали в отделении для нижних чинов, а потом, кажется, занимался в канцелярии поезда.

– Так где его найти, уважаемая Евдокия? Ведь давненько не виделись. С Сержем встречались на нынешнюю Пасху, дня за три до Христова Воскресения, как его отправили сюда.

Полуобернувшись, Евдокия Дмитриевна махнула рукой на красновато-коричневый угол двухэтажного здания с башенкой из такого же кирпича:

– Обойдёте справа и увидите одноэтажную пристройку. Это домик для нижних чинов, но он как-то в разговоре обмолвился, что в комнате ночует только в дни концертов.

Поблагодарив сестру милосердия, Мурашёв отправился в указанную сторону. Войдя в настежь распахнутую дверь, он попал в тёмный коридор. Выругался, зажёл спичку и стал искать хоть какой-то вход в помещения. Дверей оказалось несколько. Заглянул в первую комнату – никого, только стояли солдатские кровати. Во второй комнате тоже никого. Вошёл в третью.

Из правого угла с койки вскочил Сергей и бросился на шею:

– Миша! А я думал, что ты не приедешь! Вовремя застал. Были в Вологде с Ганиным, только вчера вернулись из Питера.

Отдышавшись от крепких объятий, Мурашёв спросил:

– Значит, переговоры в Вологде удались? Ты писал, что поэму «Галки» в Петрограде не желают печатать.

– Не так всё просто. Заведующий типографией дал сведения о стоимости издания и посоветовал направить рукопись в цензурный комитет Москвы, там легче проходят рукописи, чем в Петрограде.

– Что ж, будем надеяться, – пробурчал задумчиво Мурашёв и принялся разглядывать мрачную продолговатую комнату с окном под потолком.

Конечно же, это не острог, а такой стиль постройки для слуг, мелькнула мысль. Вдоль стен теснились четыре кровати, покрытые солдатскими одеялами. В изголовье на одной из них успел заметить дощечку с надписью «Писарь Кукушкин», на другой – «Рядовой Прибытков». Койка друга оказалась подле окна, возле стоял табурет и небольшой столик. На кроватиной спинке чернела такая же чёрная дощечка, на которой знакомым почерком было тщательно выведено мелом: «Рядовой Сергей Есенин». Ниже на перекладине приятно радовало глаз полотенец, расшитое огненными петухами.

– Что же это – казарма?

– Почти.

Где ж твои белокурые вьющиеся волосы? Мурашёв с грустным удивлением разглядывал друга, одетого нынче по-военному: в гимнастерку защитного цвета, русские сапоги и черные шаровары.

– Угостил бы тебя, да денег нет, – поняв его по своему, печально покачал головой Сергей.

Крайне смутившись от собственной недогадливости, Михаил достал портмоне и протянул ему пятнадцать рублей.

Сергей оживился:

– Хорошо бы ещё поймать полковника, – повеселевшим голосом заметил он, – Ломан непременно дал бы записку на вино в госпитальный магазин...

Едва закончил фразу, как в дверь постучали, и без ответа на стук, вошел этот самый полковник, как успел догадаться Михаил. Не растерявшись от неожиданного визита, Есенин обрадованно заявил:

– Господин полковник, это мой близкий друг из Петрограда, Мурашёв Михаил, журналист «Биржевых ведомостей».

Ломан представился:

– Весьма рад познакомиться, – он приветливо протянул руку, – Дмитрий Николаевич.

Не давая опомниться, Есенин с улыбкой обратился к нему:

– Господин полковник, дайте записочку, я хочу угостить друга.

Ломан засмеялся:

– Только поаккуратней.

Он подошел к столику, сел на кровать Сергея и, перевернув какой-то исписанный листок бумаги, набросал:

*Отпустить Есенину за наличный расчет 1 бут. виноградного вина
и 2 бут. пива.*

Полковник Ломан

Уже в дверях с лёгкой улыбкой повторил:

– Только поаккуратней.

Мурашёв успел заметить, что полковник написал записку на обороте какого-то стихотворения:

– Серж, глянь, это же твои вирши, перепиши.

– Я и так помню.

Надев фуражку, он было пошел, но вернувшись от двери, присел к столику, исправив на записке из одной бутылки вина на 4, а из 2 бутылок пива – 12.

– Я на все деньги возьму.

– Бери, но пить будем немного, – ухмыльнулся Михаил.

– Там видно будет!

Минут через пятнадцать он пришел в сопровождении солдата с двумя корзинами. Друзья чувствовали себя достаточно уверенно, когда Сергей предложил осмотреть Феодоровский собор. Собор был открыт. Готовились к всенощной. Хранитель собора привел обоих в нижний этаж, где находились собранные по всей России старинные иконы. Показал узкую, точно застенок, комнатку, в которой Николай II обычно исповедовался у своего духовника. Выпитое накануне давало знать, становилось слишком жарко. Собравшись уходить, они поблагодарили хранителя и выбрались на улицу.

– Взгляни, какая красота! – Сергей толкнул друга в плечо, указывая на Царский вход собора.

На арке крыльца был сделан мозаичный архангел Михаил на коне. На золотом фоне белый вздыбленный конь с юным седоком. Огненный меч. Пунцовый развевающийся хитон на голубой тунике.

Простились на станции. Ступив на подножку уже отправляющегося вагона, Михаил вдруг неожиданно обернулся:

– Серж, а что у тебя со вторым сборником «Голубень»?

– Да вот, готовлю к печати. Не знаю только, когда выйдет, – с унылой улыбкой Есенин помахал ему рукой.

Подъезжая к Петрограду, Мурашёв похлопал себя по карманам, достал портмоне. Он вспомнил, как на прощание Серж торопливо что-то сунул ему в руку, сказав, чтоб в дороге не было скучно. Развернув

сложенный вчетверо листочек бумаги, Михаил пробежался глазами, улыбнулся:

НА ПАМЯТЬ МИШЕ МУРАШЁВУ.

Любишь ты, любишь, знаю,
Нежные души ласкать,
Но не допустит нас к раю
Наша земная печать.

Вечная даль перед нами,
Путь наш задумчив и прост.
Даст нам приют за холмами
Грязью покрытый погост».

22 июля 1916 года. Феодоровский городок. Дом священников

В день тезоименитства великой княжны Марии Николаевны Кукушкин, служивший писарем в канцелярии полковника Ломана, едва успел к назначенному времени. Проживая в Петрограде, он после службы всегда норовил хоть на последнем поезде, но уехать к своей семье. К началу дивертисмента у входа в офицерский лазарет № 17 почтеннейшей публики собралось изрядно. Все приглашённые взволнованно ожидали прибытие императорской семьи. Насилу отдышавшись, Кукушкин с грехом пополам протиснулся к братьям Прибытковым.

– Юрий, когда они приехать-то должны? – тронул он за плечо сына Ломана, десятилетнего мальчика, одетого в военную форму, замершего в ожидании возле старшего из братьев.

– Да, кажись, едут, – не оборачиваясь, бросил ему через плечо Фёдор.

В четыре пополудни к зданию Белокаменной палаты подъехал огромный императорский «Делоне-Бельвиль». У автомобиля, с большими медными фонарями, вместо номера на жестянке была нарисована буква А под императорской короной.

Покуда Юрий выглядывал сидящего за рулём знакомого шофёра в кителе офицерского покроя, в пальто песочного цвета и фуражке, выездной лейб-казак в высокой меховой шапке с алой суконной выпушкой проворно выскочил наружу. Открыв заднюю дверцу, он помог императрице и детям выйти из машины. Юрий прежде видел всех лишь в простых одеждах, но сегодня высочайшие особы выглядели нарядно. Впереди шествовала государыня в изысканном платье сиреневого цвета, следом шли младшие княжны. Вид Марии и Анастасии поразил его, привыкшего до этого видеть их в довольно затрапезном виде. По Феодоровскому городку девочки в прохладное время часто разгуливали в шерстяных вязаных кофтах, с такими же шапочками на головах и с намотанными вокруг шеи шарфами. Летом же длинные шёлковые кофточки со стороны спины выделялись заметно выгоревшими на солнце светлыми подпалинами.

Инспектируя свои многочисленные лазареты, Александра Фёдоровна и в этот праздничный день не изменила жёстким правилам, начав с осмотра палат, операционной, перевязочной и прочих хозяйственных помещений. Оставшись довольна, она выразила благодарность обслуживающему персоналу за качественный порядок.

Заметив, что княжны остались болтать с ранеными офицерами, супруга Ломана, пребывающая здесь в должности заведующей хозяйством, пригласила государыню на маленький балкончик, выходящий на пруд Феодоровского собора. На нём был сервирован чай на две

персоны. Какое-то время они беседовали, делясь своими женскими воспоминаниями, и с удовольствием пили чай с пирожными от кухмистра Анисимова. Неожиданно для себя, Александра Фёдоровна разоткровенничалась:

– Ольга Васильевна, я родилась в день святого Иова многострадального и не только сама обречена на мучения, – дрогнувшим голосом изливала она душу, – но я приношу несчастья людям. Чем больше я люблю человека, тем больше приношу ему несчастья...

Некстати явившийся на балкон Ломан, тактично кашлянул:

– Ваше императорское величество, всё подготовлено для концерта.

Концерт открывал хор балалаечников. Ожидая начала развлечения, Юрий примостился на ступеньках, ведущих из биллиардной в столовую. Рядом расселись офицеры, коим нехватило сидячих мест. Под управлением Василия Андреева оркестр Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка с успехом исполнил музыкальную пьесу «Слава».

Едва смолкли рукоплескания, как на импровизированную сцену вышли двое ведущих, назначенных вести концерт. Сладкопевцева, известного чтеца-импровизатора, зрители узнали сразу. Рядом с ним стоял, смахивающий на подростка, юноша в голубой рубахе, плисовых шароварах и желтых заливчатских остроносых сапогах на каблуке.

– Да не наш ли санитар? – мальчика слегка толкнул в бок знакомый поручик из авиационного отряда Царского Села. – Я его видел недавно, помогал Ольге Васильевне бельё по палатам разносить.

– Это Есенин, наш крестьянский поэт-самородок! – с гордостью повторил Юрий слова отца. – Сергей при военно-санитарном поезде № 143 служит.

– Довольно-таки своеобразный юноша, – задумчиво пробасил Астафьев, внимательно разглядывая приятное лицо с мягким овалом, – ну вылитый отрок Варфоломей с картины Нестерова...

Хорошо поставленным голосом любимец петроградской публики громко объявил:

– Ваше императорское величество! Мой молодой друг и поэт Есенин обращается к вам и великой княжне Марии Николаевне со стихотворным приветствием, сочинённое им по случаю тезоименитства.

Сладкопевцев протянул Сергею небольшой прямоугольный лист ватманской бумаги, очевидно с текстом, но тот, уже сосредоточившись на своих мыслях, слегка откинул назад голову в белом картузе:

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах...

Тихий гул зала стал затихать. Простые и близкие сердцу слова постепенно завладевали вниманием слушателей:

Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час...

Юрий не шибко прислушивался к содержанию стиха, поскольку в силу возраста его занимали другие интересы. Рассеянно разглядывая зрителей, он с нетерпением ожидал выступления маленького и юр-

кого Сладкопевцева. Однажды с отцом он присутствовал на застолье в новоселье. Под азартные выкрики Владимир Владимирович в лицах изображал монастырь, где игуменом был Клюев, а послушником Есенин. Затем он рассказал сказку о том, как ожила васнецовская птица Гамаюн, в роскошном хвосте которой золотое перо – Клюев, серебряное – Есенин, и медные перышки – остальные, сидящие за столом. Импровизации Сладкопевцева прерывались громким хохотом, а костистый, высоченный художник Нарбут выкрикивал какие-то холодные слова, вызывавшие ещё больший смех.

Как сквозь вату, до мальчика доносился голос стихотворца, читавшего так, будто вокруг никого не было. Он словно молился, раскачиваясь из стороны в сторону:

На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь...

Взгляд Юрия неожиданно наткнулся на застывшую женскую «троицу». К могучим плечам его тётки Евгении Петерсон с обеих сторон тесно прислонились двоюродная сестра Вера Басова и его бывшая учительница Вера Адамова. Сёстры милосердия то и дело подносили свои платки к глазам.

Заключительные строки в затаившейся тишине зала поэт прочитал почти шепотом:

Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.

Не обращая внимания на рукоплескания и одобрителный гул, Есенин шагнул вперед. Все вновь притихли.

– Стихотворение «Русь», – чуть хрипловатым голосом объявил он и, потряхнув головой, принялся читать по детски с чистым проникновением:

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса...

Возвращаясь в приятные воспоминания, мальчика вдруг неожиданно привлекли знакомые строки. Юрий напряг слух. Верно, он слышал их совсем недавно среди гостей отца. Как и тогда, голос поэта звучал надрывно и казалось, он даже размахивал руками не в ритм стихов:

Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь – везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мглистые
На березках висят галуны...

Краем глаза Юрий заметил шевеление. Сидящий с краю рядовой Подгорный, с кем он был коротко знаком, безуспешно пытался отереть глаза рукавом халата. По изрядно покрытому морщинками лицу санитаря, кое-где отмеченному рябинами, текли слёзы. Близкий женский всхлип отвлек его внимание, Юрий обернулся. Обхватив плечи руками, сестра милосердия чуть раскачивалась в такт стихов. Он хорошо знал

близкую подругу Анастасии Катю Зборовскую и однажды заметил, как княжна настойчиво и тихо о чём-то выспрашивала её. Выразительный отклик на стихи заставил мальчика вслушаться в содержание строк:

Припаду к лапоточкам берестяным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха.

– Слышь-ка, Юра, достань мне почитать его книжонку, – Астафьев сызнова толкнул мальчика в бок. Заметив удивлённый взгляд соседа, добавил с печальной улыбкой: – Я и сам из деревенских, уж больно душу дерёт...

Подобно перелётным рязанским шуркам, взметнулись под своды последние строки:

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу!

Буря оваций долго не смолкала. На лице Есенина появилось выражение счастья. То не было простым откликом на радостный гул, которым слушатели встречали его выступление. Он почувствовал, что собравшимся понятно и дорого то, что творится в его душе.

Уже после финала мозаичных сцен, в палатах лазарета раненые и сёстры милосердия ещё долго продолжали обсуждать запавшие в душу стихи. В девятом часу вечера разошлась основная часть зрителей, и начальник лазарета призвал артистов пройти на балкон, где их ожидали государыня и младшие княжны. Дождавшись, пока все рассядутся по стульям, Александра Фёдоровна обратилась к приглашённым:

– Господа, благодарю за доставленное мне удовольствие вашим участием в концерте. Замечательные номера по достоинству оценили и все наши гости.

Стоящий у стола Ломан, протянул ей красочно оформленный лист с поздравлением. Внимательно просмотрев текст, писанный акварелью, древнерусской вязью и окруженный орнаментом, Александра Фёдоровна с видимым удовольствием передала его Марии как главной виновнице торжества.

– Должна признаться, уважаемый, э... Сергей, – она обратилась к сидящему на краешке стула голубоглазому юноше с отрастающим светлым ёжиком волос, – меня приятно поразила ваша поэзия.

– Может, прочтёте что-нибудь ея величеству? – воспользовался благоприятным моментом полковник.

От смущения Есенин не знал куда спрятать руки: то край пиджака тербил, то мял в руках картуз. Всё же, овладев собой, начал читать:

Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую...

Выслушав стихотворение до конца, императрица тихо заметила:

– Стихи ваши красивые, но очень грустные...

– Такова вся Россия, ваше величество. Бедность, климат неласковый, да и всякое... – всё ещё испытывая неловкость, просто и наивно ответил Сергей.

– А что-нибудь ещё? – просительным тоном полнобопытовала княжна Мария Николаевна.

При работах в лазарете он почти ежедневно встречал там обеих княжон, которые постоянно были заняты, то готовя индивидуальные пакеты или присматривая за тяжелоранеными, то играли с выздоравливающими в настольные игры, а Анастасия частенько и музицировала им на рояле. Тем не менее именно Мария привлекала его внимание. Высокая, полная, с соболиными бровями, с ярким румянцем на открытом русском лице. При каждом удобном случае Сергей тайком разглядывал семнадцатилетнюю молоденькую девушку, мысленно примеряя на ней то русский боярский сарафан, то крестьянскую душегрею из малинового бархата.

В ответ на просьбу виновницы торжества Есенин, нарочито окая, с озорной улыбкой объявил, что прочтёт ей стихотворение о корове:

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях...

Заканчивая стих, он с неподдельным удивлением заметил, как нахмурились её насупленные брови и помрачнело лицо. Стихи явно затронули её душу, и девушка переживала за дряхлую, с выпавшими зубами кормилицу, вероятно представляя, как та вот-вот разделит судьбу своего белоногого телка. Ругая себя, что невольно огорчил княжну, Сергей тут же прочёл несколько весёлых строк из незаконченного стихотворения о котёнке:

Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок...

Это несколько рассеяло её грусть и Мария, тут же вспомнив предыдущие стоки о корове, по-детски заулыбнулась:

– Повторите, как вы сказали: ко-ро-ва? Нет, это замечательно! Что за прелесть!

Все пришли в шумный восторг. Наконец по знаку Ломана Сладкопевцев преподнёс государыне сборник рассказов, а Есенин с таким же поклоном вручил ей подносной экземпляр книги «Радуница» с дарственной надписью.

– Благодарю вас, господа, за милые подарки.

Государыня встала, с радостным удивлением разглядывая книги с черно-белым переплётом набойки. Сопровождаемая дочерьми, у дверей обернулась:

– Обещаю вам в скором времени вернуть сторицей, а порукой послужит Дмитрий Николаевич, – она хитро улыбнулась, – полковник, как и я, впечатлён концертом и не успокоится, покуда не выбьет подарки для всех участников.